А.А. Али-заде

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ – НА СЛУЖБЕ НАУКЕ

DOI: 10.31249/scis/2019.00.02

Аннотация. В статье в контексте методологического самоопределения гуманитарных и общественных наук рассматривается так называемый дельфийский метод исследования, получивший в этих науках широкое распространение. Анализируется история введения этого метода в научную практику и обосновывается необходимость его появления в исследовательском арсенале. Показано, что на самом деле дельфийский метод является открытой рамочной методологией современных гуманитарных и социальных исследований, представленной широким спектром методов – академических и неакадемических, призванных эффективно исследовать человеческую / социальную реальность, малодоступную для методов получения точного знания.

Abstract. In the article, in the context of the methodological self-determination of the humanities and social sciences, the so-called Delphic method of research is considered, which has become widespread in these sciences. The history of the introduction of this method into scientific practice is analyzed and the necessity of its appearance in the research arsenal is substantiated. It is shown that in fact the Delphic method is an open framework methodology of modern humanitarian and social research, represented by a wide range of methods – academic and non-academic – designed to effectively explore human / social reality that is inaccessible for methods of obtaining accurate knowledge.

Ключевые слова: Дельфийский оракул; дельфийский метод; методология гуманитарных и общественных наук; модификация дельфийского метода; рамочная дельфийская методология; чело-

веческая / социальная реальность; качественный анализ; глобальное информационное / гражданское общество; социальная самоорганизация / социальное самоуправление; либеральная демократия; «конец истории».

Keywords: The Delphic Oracle; the Delphic method; methodology of humanities and social sciences; the modification of the Delphic method; framework Delphic methodology; human / social reality; qualitative analysis; global information / civil society; social self-organization / social self-government; liberal democracy; «the end of the history».

Человек – существо, которое по своей родовой природе вечно стремится (1) к знанию об окружающей его эмпирической реальности вещей и отношений и (2) экзистенциальному знанию – о том, что такое жизнь, смерть, вселенная и каковы законы / программы, управляющие этой экзистенциальной реальностью. Человеческое стремление к знанию типа (1) дало феномен науки, а к знанию типа (2) – феномен философии. Неверно позитивистское представление, будто рождение эмпирической науки отменило философию. Наука в принципе не способна ответить на экзистенциальные вопросы – она их просто не рассматривает. Философия как порождение человеческого интеллекта тоже не может претендовать на прямое получение таких ответов, но самой постановкой экзистенциальных вопросов она напоминает об этом реальном и неподвластном науке – экзистенциальном – уровне человеческого бытия, узаконивает его не в качестве предмета веры, а как предмет интеллектуальной рефлексии, порождающей гипотезы-догадки. Философские же гипотезы-догадки, в отличие от верований, могут претендовать на некие косвенные подтверждения на уровне науки. Так устанавливается мостик от экзистенциальной / философской рефлексии к научной рефлексии, соединяющий философию и науку в отношения взаимного обслуживания.

Это взаимодействие экзистенциальной / философской и научной рефлексий хорошо видно в области важнейшей человеческой заботы – о своем будущем, как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Родовая природа человека побуждает его не только к точному знанию того, что «есть», но и к вероятностному знанию-прогнозам того, что «будет», как основанию принятия решений. Если бы человек не строил образ будущего, не прогнозировал свое существование на ближайшую, среднюю и отдаленную перспективу, он бы вообще ничего не пла-

нировал и не принимал никаких решений, т.е. не было бы никакой ни индивидуальной, ни социальной динамики, никакой социальной жизни как движения – исчез бы сам феномен человеческого общества. Поэтому прогнозирование индивидуальной / социальной динамики – базовое условие сохранения самой этой динамики, самосохранения общества как такового.

Притом что прогнозирование – базовый фактор и механизм индивидуальной и социальной динамики, работа прогнозирования делается на весьма зыбкой почве косвенных эмпирических данных, интуиций и догадок из-за статистического / экзистенциального характера человеческой / социальной реальности, производя скорее не столько научно обоснованные прогнозы, сколько прогнозы-догадки. Тем не менее прогнозы динамики экзистенциальной человеческой / социальной реальности – тот самый случай экзистенциально-научной гибридности, когда на экзистенциальный вопрос (о будущем) необходимо дать научный (более или менее точный) ответ, как бы это ни было трудно. Люди всегда стремились заглянуть в будущее, чего требует сама их жизнедеятельность, но и всегда сознавали непроницаемость того, что «будет». И это бессилие перед неизвестным, но настоятельно требующим своей разгадки грядущим (иначе невозможно никакое планирование, никакое принятие решений) нашло, например, в древнегреческих мифах двоякое выражение: с одной стороны, в мифе о том, что даже олимпийским богам не дано было знать своей судьбы, а с другой – в мифе о Дельфийском оракуле, наделенном даром предсказаний. Характерно, что противоречия между обоими мифами нет, поскольку Дельфийский оракул – отдельная от богов и людей реальность, несущая специальную функцию знания будущего. Так люди в «мифологические» времена «гибридно» решали важнейшую для своей жизнедеятельности проблему прогнозирования – когда будущего знать нельзя, но если знать очень нужно, то – можно.

Это определение «нельзя, но нужно и, значит, можно» – точная характеристика познания в области гуманитарных и общественных наук, чей генеральный предмет, представляющий экзистенциальную (насквозь психологическую, нелинейную, статистическую, прецедентную) человеческую / социальную реальность, требует для своего познания методологию, которая превратила бы в научно-исследовательский инструмент гадания Дельфийского оракула. То есть речь идет о методологии получения вероятностного знания – не только о том, что «будет», но и о

том, что «есть», поскольку иной тип знания (какой характерен для естественных наук) невозможен в отношении экзистенциальной человеческой / социальной реальности. Гуманитарные и общественные науки, поскольку производят неустранимо вероятностное знание, занимаются именно прогнозированием, чем вероятностное знание и является. Они производят знание-вероятность-прогноз даже о непосредственно наблюдаемых, происходящих «здесь и сейчас» социальных явлениях и процессах, используя, например, методику статистического анализа. Ученые-обществоведы не могли не обратиться к наиважнейшей для человека и общества теме прогнозирования социального развития – построения образа будущего, и характерно, что методология исследования этой темы носит с 1950-х годов имя Дельфийского оракула, официально называясь дельфийским методом и тем самым подтверждая, что исследователи-обществоведы, подобно Дельфийскому оракулу, делают именно предсказания, но в форме научно обоснованного вероятностного знания. Разница между практикуемым в науке дельфийским методом и мифическим Дельфийским оракулом – в том, что Дельфийский оракул делает свои прогнозы, не раскрывая их методологии, в то время как дельфийский метод на то и метод, что содержит перечень определенных исследовательских шагов, направленных на установление с исследуемой реальностью диалога, субъектно-субъектных отношений сотрудничества и обратной связи в надежде получить хотя и неустранимо вероятностное, но максимально содержательное знание о весьма закрытом предмете.

История практикования дельфийского метода в науках о человеке и обществе – это история формирования методологии гуманитарных и общественных наук, адекватной их предмету, методологии, которая отдает приоритет качественному анализу перед анализом количественным и при этом использует качественную и количественную информацию в ее единстве, создавая в сущности новый вид данных, качественно-количественные данные. Поэтому дельфийская исследовательская процедура с самого начала своего применения (когда она выполняла узкую исследовательскую задачу – собственно прогнозирования социального развития) заявила себя инструментом использования смешанных – качественных и количественных – методов, чему не было альтернативы при изучении человеческой / социальной реальности, количественный анализ которой не мог быть самодостаточным, но мог выступать лишь необходимой поддержкой основного, качественного анализа. Дельфийский метод, призванный в науке выполнять функцию

Дельфийского оракула, предусматривает респондентские выборы, куда отбираются авторитетные в своих областях эксперты. Эти авторитетные респонденты в неоднократных исследовательских раундах отвечают на одни и те же вопросы, пока респондентские ответы не сложатся в некий определенный консенсус экспертных ожиданий-прогнозов, пройдя в повторных раундах возможную свою коррекцию [3, с. 2].

В настоящее время дельфийский метод – вполне устоявшийся исследовательский инструмент. Но в начале своей истории дельфийская процедура неоднократно модифицировалась в отношении ее методологического и эпистемологического обеспечения, проходила период своей «социализации», когда определялась, уточнялась и расширялась область социальных проблем – предметная область дельфийских исследований. До того как в 1951 г. было осуществлено первое дельфийское исследование, уже шли эксперименты с идеей многократных опросов экспертов в качестве основания моделирования будущих социальных и технологических событий, которые не могут быть предсказаны ни строго детерминистски, ни на основании устойчивых статистических регулярностей [3, с. 4]. Именно идея, что опросы экспертов, а не просто общественного мнения дают с эпистемологической точки зрения более надежное основание для прогнозирования социальной динамики, стала важной вехой в развитии дельфийского метода, постепенно приведя к современному его дизайну в виде повторяющихся опросных раундов. Респонденты, имея информацию о предыдущих раундах, мотивированы корректировать свои прогнозы с учетом предыдущих своих высказываний, т.е. двигаться от индивидуально-субъективных позиций к некоей единой позиции, указывающей на объективное состояние дел и, соответственно, на достаточно высокий уровень достоверности экспертных прогнозов. В отличие от современных дельфийских исследований, первый опыт дельфийской методологии сочетал количественные и качественные исследовательские техники. Первый дельфийский опыт впервые обратился к респондентам-экспертам индивидуально, попросив их сделать прогнозы на основе их неявного (личного) знания ситуации без какой-либо попытки доступа к такому знанию. Напротив, развитой дельфийский метод стремится проявить логику вынесения экспертами своих прогнозов: респондентам предоставляется весь комплекс доказательных материалов исследования – чтобы респонденты смогли понять, в какой степени им

придется поменять свои оценки, и многораундовый характер метода хорошо служит развитию такого понимания.

Собственно идея установления эпистемологического основания систематического использования экспертов в дельфийской процедуре возникла в ответ на вопрос, может ли операциональное исследование, чем и были первые дельфийские опыты, рассматриваться как в полном смысле слова исследование научное. Так дельфийская процедура инициировала дискуссию вокруг устоявшегося понятия научности, когда «необходимость защиты дельфийского инструментария в качестве научного метода вызвала новое определение научности, которое не обязательно должно было включать точность, но скорее – интерсубъективность в объяснении и предсказании явлений в данной предметной области» [3, с. 9]. Требовался новый подход, поскольку устоявшаяся эпистемология сосредоточивалась почти исключительно на некоторых выбранных областях точной науки, отсекая тем самым области знания – в естественных и общественных науках, – которые хотя и не демонстрируют точность, но несомненно отвечают базовым критериям научности. И дельфийская процедура, в сущности, узаконила искомый новый подход к научности, превратившись из, скорее, технической исследовательской процедуры именно в научный метод.

Дальнейшая модификация дельфийского метода происходит в 1960-е годы, когда, продолжая декларировать себя научной процедурой достижения истины, дельфийское исследование отказалось от принятых в 1950-е годы эпистемологических принципов. Этот отказ состоял во введении дифференциации дельфийских прогнозов по времени. Было признано, что «долговременные прогнозы (на десятилетия вперед) практически не поддаются верификации, и в их случае работает уже не научное обоснование, а интуиция. А это размывает эпистемологическое сопровождение метода, разграничивая получаемые с его помощью экспертные предсказания на научные и те, которые сделаны на основе интуитивной экспертизы» [3, с. 12]. Этим изменением эпистемологического основания дельфийская парадигма 1960-х годов оказалась фундаментально отличной от дельфийской парадигмы 1950-х годов. В 1950-х годах дельфийская процедура предусматривала малую группу участников и значительную методологическую гибкость, выражающуюся в комбинации разных методов, свободных опросах и качественных интервью. Респонденты же дельфийских исследований 1960-х годов давали главным образом количественные оценки и были информированы о распределении ответов в преды-

душем опросном раунде в их медианном значении, и только тех респондентов, чьи оценки наиболее сильно отклонялись от медианных, просили обосновать их мнение. В отличие от дельфийского опыта 1950-х годов, дельфийские респонденты 1960-х годов не вырабатывали совместно основание для прогнозов, но предсказывали просто время будущих событий, основываясь на своем неявном знании без какой-либо попытки проявить суть этого знания. И в таком виде – с размытым эпистемологическим основанием – дельфийский метод стал и сегодня остается рамочной методологией для широкого предметного спектра исследований в области гуманитарных и общественных наук – очень востребованным в эпоху Интернета / коммуникационной демократии собирательным методологическим инструментарием анализа социальных явлений и процессов.

Как рамочная методология «дельфийский метод» – условное название ряда методов, направленных на разгадывание человеческих / социальных шарад, чем собственно и является человеческая / социальная реальность (это и вынуждает ученых-обществоведов сознательно брать на себя роль Дельфийского оракула). Рамочная дельфийская методология объединяет современные методы эмпирической социологии, которые существенно демократизируют исследовательский процесс, устанавливая между исследователями и респондентами субъектно-субъектные отношения. Респонденты рассматриваются не столько исследуемыми, сколько соисследователями, когда в респондентскую выборку вводятся именно в качестве экспертов-соисследователей представители исследуемой группы с целью получения от них инсайдерской информации. И в обсуждении этой информации, формирующем научные результаты, равноправно участвуют все субъекты исследовательского проекта: и его авторы и его респонденты. То есть это методы общественной науки нового типа – демократизированной, в известном смысле «депрофессионализированной», приглашающей к исследовательской профессии непрофессионалов. Лишь бы те смогли вместе с академическими специалистами составить коллективного «Дельфийского оракула», способного давать-предсказывать наиболее вероятные ответы-догадки на вопросы о в принципе малодоступной познанию человеческой / социальной реальности. Такой коллективный «Дельфийский оракул» работает на основе сбора самой разной информации: академической и неакадемической, респондентской и любой уместной – в том числе из социальных сетей – информации, которой не нужно добиваться,

но которая сама обрушивается на аналитиков и которая в современной социологии называется «большими данными». Собственно, обращение общественных наук к дельфийской методологии в ее рамочном смысле, как и в смысле отдельного метода (прогнозирования социального развития) – это попытка обеспечить неустранимо вероятностное («гадательное») познание в области гуманитарных и общественных наук соответствующим новым познавательным инструментарием, подсказываемым реальностью «больших данных».

Практикуемые сегодня в эмпирической социологии и политологии методы, представляющие дельфийскую методологическую рамку, детально описываются в современной методологической литературе как методы применения самых разнообразных (академических и неакадемических) исследовательских техник для решения в широком смысле дельфийской задачи – получения научно убедительного вероятностного, т.е. предсказательного знания о малопредсказуемой человеческой / социальной реальности. По свидетельству методологов, в настоящее время методологию общественных наук во многом формирует так называемая теория сложности, согласно которой динамика общественной системы нелинейна, неравновесна и производна от траектории системы, т.е. система утрачивает свою «устойчивость» во времени. Методологическая работа теории сложности в современном обществознании отчетливо видна по массиву исследований, где такие факторы, как социальные отношения, институты, культура и история, осознаются фундаментально важными для понимания социальных процессов и где логика, рациональность и анализ сочетаются с интуицией, пониманием и синтезом [13].

Одно из достоинств методологического использования теории сложности в общественных науках – демократизация исследовательского инструментария этих наук. Например, в эмпирической социологии при изучении разного рода проблемных социальных групп растет популярность приглашения в такие исследования людей не из науки, а именно из изучаемой же среды – непрофессиональных интервьюеров, способных разговаривать с проблемными сообществами на их языке. Подобное вовлечение инсайдеров проблемных групп в исследование этих же групп руководствуется идеей получения от инсайдеров исследуемого сообщества информации, недоступной для академических исследователей. Такая демократизация производства знания способна открыть новый путь к пониманию нюансов сложных жизненных опытов и повы-

сильнее качество исследовательских данных, поскольку исследуемые будут контактировать более искренне с теми, кто хорошо знает их жизненные обстоятельства [4].

Дельфийскую методологию в ее рамочном смысле представляют и методы анализа «больших данных», радикально изменивших природу эмпирического социологического материала, в огромных количествах производимого на коммуникационных платформах Интернета и требующего от социологической науки по-новому выстраивать свою исследовательскую коммуникацию. Уже существуют устоявшиеся методы исследовательской коммуникации в виртуальных мирах Интернета, например метод наблюдательного участия – методология, использующая стратегию мультиметодического исследования, сочетающая разные исследовательские методы для получения как можно более объемных данных в отношении поведения участников виртуальных коммуникаций. Искомая объемность получаемых данных достигается тем, что мультиметодическое исследование объединяет наблюдения физической и виртуальной активности респондентов – через проведение живых, «лицом к лицу» интервью с участниками виртуальных коммуникаций, наблюдавшимися ранее виртуально. Словом, мультиметодическое исследование использует наблюдения и онлайн и офлайн вместе с формальным и неформальным интервьюированием, анализом документов и множеством других подходов [16; 11].

Наряду с методами анализа «больших данных» рамочную дельфийскую методологию представляют и другие исследовательские техники. К ним относятся, например, следующие подходы.

Метод дебрифинга – организованный как экспериментальное обсуждение некоторого нежелательного события, мобилизующее участников обсуждения на «мозговую атаку» в отношении события с целью выработки знания, способного предсказывать и предотвращать наступление подобных событий [15].

Метод сенсорной этнографии (эмпатической исследовательской включенности), используемый при изучении проблем повседневной рутинной социальной практики людей, способный дать новые ответы на вопросы о том, что такое общество. Так решается методологическая задача эмпирического погружения / доступа исследователя в динамичную, многомерную реальность повседневной жизни – превращения исследователя в непосредственного участника изучаемой им реальности со всеми ее неявными и непроговариваемыми, как и вербальными активностями, и только так

исследователь, находясь «внутри» своего объекта, будет способен его понять и представить на языке науки [12].

Метод анализа данных, опирающийся на теорию диалога Михаила Бахтина – теорию человеческого / социального взаимодействия как человеческих / социальных напряжений, неизбежно создаваемых человеком во всем, что он делает, – это метод идентификации коммуникационных напряжений, собственно и создающих социальную динамику, а потому такая идентификация способна послужить пониманию фундаментальных механизмов функционирования общественной системы [7].

Методы-умения, т.е. чисто эмпирические, непосредственные теориями методы, ставшие актуальными как инструменты органичного для общественных наук качественного анализа в цифровую эпоху, которая создала «нового человека» – неотделимого от цифровой среды-интерфейса: эти исследовательские инструменты и призваны к осмыслению, что такое человек цифровой социальной среды [9].

Методология активистской этнографии (*militant ethnography*) – входящий сегодня в исследовательскую практику умышленно политизированный, «активистский» подход к качественному исследованию, который помогает исследователям работать с культурой и практикой современных анархистских и антиавторитаристских социальных тенденций. Активистская этнография – комплексный метод качественного исследования, который включает интервью и наблюдение в отношении инсайдеров изучаемых социальных процессов и требует от исследователей самим быть активистами и политически солидаризоваться с инсайдерами исследуемых процессов вплоть до своего (исследователей) вовлечения непосредственно в акции политического протеста, в том числе в качестве организаторов таких акций. Особенность методологии активистской этнографии состоит в том, что она как эффективная полевая (в области политического поля) методология работает только тогда, когда полученные с ее помощью исследовательские результаты не утрачивают связь с активистским духом исследования, не превращаются ни в каком виде в чисто академическое знание, которое может существовать автономно от своей референтной реальности. Это действительно новая методология, поскольку обычно исследователь, работая в «поле» по традиционной методологии, как бы ни старался преодолеть дистанцию между собой и реальными участниками изучаемого процесса, дистанция остается и хорошо ощущается обеими сторонами, а методология активист-

ской этнографии во многом снимает такое взаимное отчуждение. Активистская этнографическая методология сама создает прецедент той реальности, борьбу за которую и ведут участники анархистского / антиавторитаристского движения с их лозунгами «никаких иерархий, никакого доминирования». Такая методология общения исследователей с респондентами создает атмосферу доверия и искренности, выводит академическую науку из ее традиционного изолированного положения в обществе в конкурентное общественное пространство, где академическое сообщество, по крайней мере в области общественных наук, должно отказаться от роли ментора и стать просто частью социального рынка / социального обмена – именно конкурентоспособной частью. И это не прихоть методологической инновации ради самой инновации, но императив общества XXI в., которое, благодаря цифровым технологиям человеческой коммуникации во многом уже стало глобальным гражданским обществом – где массовый человек начинает ощущать себя «брошенным» традиционными официальными организующими силами и вынужден обучаться самоорганизации. В таком обществе беспрецедентной социальной самоорганизации радикально меняется роль всех институтов, в том числе роль государства, которое в новой коммуникационной среде, резко изменившей баланс между социальной организацией и социальной самоорганизацией в пользу самоорганизации, вынуждено «уменьшаться» в поисках конкурентоспособной общественной ниши – работать с самоорганизованным (гражданским) обществом. Тот же императив – беспрецедентной демократизации – стоит и перед институтом науки и прежде всего, конечно, перед исследовательским сообществом в области общественных наук, поскольку исследователи-обществоведы непосредственно сталкиваются с этими радикальными социальными переменами. Поэтому активистская этнография – вовсе не какая-то частная методология, но методология, призванная исследовать новый социум по-новому, социум радикальной самоорганизации [2, с. 14–15].

В дельфийскую методологическую рамку входит и собственно Дельфийский метод, представляющий отдельную методологическую инновацию в методологии партиципативных исследований. В партиципативной исследовательской парадигме – когда исследователи находятся «внутри» изучаемой ими реальности (а не смотрят на нее «со стороны»), мотивированные высказывать новые идеи по важным социальным и политическим проблемам, – дельфийский метод в его узком смысле (именно как метод, а не

методологическая рамка) оказался востребованным в отношении проблем, которые трудно исследовать точными аналитическими методами, а требуется изучать субъективные суждения людей, чтобы сложить из них согласительное понимание таких проблем. Характерно, что дельфийский подход с самого начала своего применения в исследовательской практике рассматривался как инструмент организации согласительной процедуры принятия решений и назывался конвенциональным методом. Позже он стал специально использоваться в изучении острых политических проблем – конфликтующих политических позиций для понимания того, где именно стороны расходятся и на чем должно строиться их согласие. Дельфийский метод работает особенно хорошо, когда нужно улучшить, детализировать понимание проблем, возможностей, решений либо сделать прогноз, и наиболее эффективен он в отношении ситуаций, которые трудно исследовать точными аналитическими методами, а требуется изучать субъективные суждения людей, чтобы сложить из них, как складывают пазл, понимание таких ситуаций [10].

Дельфийский метод эффективен своей нацеленностью на терпеливое достижение согласия по обсуждаемой проблеме всех участников обсуждения – как бы труден ни был процесс пополнения знания о проблеме, как бы ни расходились мнения диспутантов и сколько бы исследовательских раундов ни потребовалось для выработки согласованного видения проблемы. Важно заметить, что сама процедура дельфийского метода способна удостоверять исследовательский результат – именно достижением согласия по обсуждаемому предмету: предмет таков, каким согласились его видеть диспутанты, и не требуется отдельной процедуры верификации полученного знания. Выработка согласованного мнения в ходе экспертного консилиума – критерий удостоверения знания, получаемого в качественном исследовании. Поэтому дельфийская исследовательская процедура – и как рамочная (охватывающая множество методов) методология и как отдельный метод – абсолютно органична гуманитарным и общественным наукам, которые в принципе представляют области качественного анализа.

Таким образом, дельфийский метод как собрание множества методов качественного анализа реально выступает в настоящее время рамочной методологией качественных по природе гуманитарных и социальных исследований. Востребованность сегодня дельфийской методологии – часть длительной истории методологического самоопределения гуманитарных и общественных наук,

истории, хорошо и давно известной по старой дискуссии в философии науки в отношении методов естествознания и обществознания, когда философами и методологами науки высказывалась идея, что методы эти – разные, а именно: если метод естественно-научного исследования – объяснительный (метод объяснения), то метод познания социальной / человеческой реальности – герменевтический [1]. Считается, что в гуманитарных и общественных науках метод понимания оформился с подачи позитивизма, отказавшегося от принципа организации жизни по жесткой схеме, принципа, согласно которому жизненная система, раз заданная какими-либо нормами, начинает существовать исключительно как отражение этих норм без всякой «самодеятельности», всяких изменений, неукоснительно выполняя нормативные требования. Позитивизм – это принцип «рамочного» функционирования системности: «рамка» не образует систему, она лишь задает и охраняет путь ее самоорганизации – самоопределения и самообучения, – ведя с системой постоянный диалог [14, с. 218–219]. Нельзя не увидеть в подобном «мягком» отношении к реальности прообраз дельфийской методологии, действительно уместной в исследовании такого предмета, как целеполагающая человеческая деятельность, порождающая социальную реальность как продукт процессов совместного договора социальных деятелей о смысле действий и ситуаций, – как «предынтерпретированную» реальность. Вот почему для исследования такой пронизанной смыслами, «предынтерпретированной» реальности нужна, условно говоря, дельфийская методология – не объяснения, но понимания.

Позитивизм, ставший основанием трансформации философско-научной идеи о методе понимания в отношении человеческой / социальной реальности в методологию гуманитарных и общественных наук, по сути дела предрек дельфийскую конкретизацию этой методологии. И по мере того, как с развитием коммуникационных технологий социальная реальность вне зависимости от характера ее политических режимов все больше и больше утрачивала свою нормативность, заорганизованность, все больше и больше демократизировалась и глобализировалась, дельфийская методика ее анализа становилась все более актуальной. Показательно, что дельфийский метод под этим своим именем впервые вошел в исследовательскую практику сразу после Второй мировой войны – когда человечество получило, наконец, возможность в полной мере воспользоваться демократическим укладом, отбросив жесткий нормативный уклад военного времени. «Смягчение» со-

циальной реальности и вызвало к жизни «мягкую» дельфийскую методологию. Тем более дельфийская методология востребована в нынешних условиях беспрецедентной коммуникационной демократии – реально многосубъектного, самоорганизованного, сетевого общества, уже получившего в научной литературе титул глобального гражданского общества, – когда в идеале буквально каждый при желании и соответствующих способностях получает шанс стать влиятельным неофициальным субъектом управления. И это прекрасно доказывают известные блогеры, владеющие многомиллионными аудиториями своих подписчиков.

Укоренение в современных гуманитарных и социальных исследованиях дельфийской методологии в рамочном ее смысле – событие, вполне заслуживающее определения методологической революции в гуманитарных и общественных науках. Дельфийская методологическая революция – ответ на предъявление науке новых требований от новой социальной реальности, революционно измененной цифровыми коммуникационными технологиями. От наук, призванных описывать и понимать сегодняшнюю человеческую / социальную реальность, требуется давать синтетическую (смысловую) картину мира, в котором тенденции самоорганизации / самоуправления явно преобладают над тенденциями организованности / управляемости и в котором в полную силу работает нелинейный детерминизм случая, прецедента, что делает такой мир гораздо более непредсказуемым, чем прежний социум с господством в нем институтов организации и управления. Сегодня пришло время П. Фейерабенда, который задолго до наступления цифровой эпохи постмодернизма наиболее точно и откровенно сформулировал уклончивый у других философов науки спрос, в сущности, на постмодернистское реформирование научного развития. Он прямо назвал системным изъяном существующей модели науки вовсе не дефицит средств получения достоверного знания, но дефицит в ней эпистемологической и социальной демократии, призвав к максимальному расширению границ научного метода, разбавлению академической методологии науки неакадемическими подходами в своем знаменитом тезисе «все сойдет» (everything goes) [5].

В настоящее время в области гуманитарных и общественных наук собственно и наблюдается все то, к чему призывал П. Фейерабэнд, – реально работает рамочная дельфийская методология, выходя своими исследовательскими методами в неакадемическое пространство, выстраивая новое, беспрецедентно демо-

кратизированное исследовательское сообщество, уравнивающее в правах профессиональных исследователей и неспециалистов. В научной литературе современное постмодернистское (скорее самоорганизованное и самоуправляемое, чем организуемое и управляемое) общество, вызвавшее к жизни дельфийскую методологию его исследования, определяется как «общество знаний» (knowledge society) с тем уточнением, что в таком социуме научное знание больше не монопольный продукт авторитетного экспертного сообщества, но, скорее, представляет рынок знания с его профессиональными и непрофессиональными производителями. И с демонополизированным производством научного знания происходит парадокс, когда, с одной стороны, производство это расширяется (из-за роста числа производителей), а с другой – расширяется и незнание не в смысле временного дефицита знания, но в смысле растущей неопределенности, неточности знаний (из-за разбавления профессиональных производителей непрофессионалами), и соответственно в обществе растет недоверие к науке. Такая метаморфоза научного знания ожидаемо произошла из-за процессов демократизации, демонополизации, проникновения во все общественные сферы рыночных, договорных отношений, превращения общества в «дискуссионный клуб». Поэтому «общество знаний» – это общество повышенных рисков в отношении его консультирования со стороны научной экспертизы. «Конкурирующие между собой научные экспертные заключения побуждают к пересмотру традиционного образа ученого как авторитета, обеспечивающего общество достоверным знанием. Парадокс состоит в том, что в обществе знаний важность знания возрастает, а годность науки снижается» [8, с. 4].

В научной литературе констатируется, что традиционная академическая наука страдает так называемой «периферической слепотой» (peripheral blindness) – когда в знаниях отбирается и наделяется привилегией определенность, а неопределенность отсекается, когда основное внимание привлекают линейные и понятные тенденции, а индетерминистские, синергетические тенденции игнорируются. Между тем «общество знаний» трансформировало идею знания столь радикально, что правомерно назвать это общество «обществом невежества» (ignorance society), и сегодня формула Ф. Бэкона «знание – власть» уже не работает: «пришло время не столько наращивать знания, сколько учиться управлять знанием, которое своей дискуссионностью очень напоминает незнание, род невежества. Возникает необходимость отнестись к подобному

«невежеству от науки» не как к провалу, но как ресурсу. Ключевая проблема «общества знаний» – в его рисках от слепого доверия к науке как поставщику надежных знаний, а нужно распрощаться с этой слепотой и учиться управлять ресурсом «невежества от науки» [8, с. 5–6]. Это не означает, что современное общество меньше зависит от науки. Оно зависит от науки больше, чем когда-либо. Просто наука должна стать другой – и по содержанию и по институциональной организации, – адекватной современным общественным процессам. Сами проблемы, с которыми сталкивается современное общество, меняют ее, побуждая становиться «мягкой» наукой – развивать статистические, вероятностные, сценарные модели.

В современном обществе знание, научная экспертиза, подвергнутые демонополизации, демократизации, социальной диффузии, становятся «хрупкими», и в той степени, в какой сегодня производство знания диверсифицировано, возможность контролирования этого «диффузного» когнитивного процесса понижена. Необходимо развивать новые когнитивные стратегии, чтобы действовать в неопределенном, нелинейном, вероятностном мире. Нужны стратегии, которые включали бы в себя не только уровни эмпирического и теоретического знания, но и рефлексии в отношении возможностей и особенностей человеческого познания, в отношении того, что теоретическое знание – всегда «сомневающееся», вероятностное, и точным оно может считаться, как это показал К. Поппер в своей концепции фальсификационизма, лишь до тех пор, пока не встретило своего опровержения.

Современная методолого-научная литература, посвященная гуманитарным и общественным наукам, наполнена разнообразными предложениями новых, «смелых», выходящих за рамки традиционного академизма методов, которые отвечают параметрам рамочной дельфийской методологии. Например, одно из таких методологических предложений – разработка эпистемологии перформанса (presentational epistemology) в рамках партиципативной исследовательской парадигмы в эмпирической социологии – парадигмы совместного исследования (co-operative inquiry). В партиципативных исследовательских рамках члены изучаемого сообщества становятся соисследователями (co-inquirers), а исследователи получают доступ к культурным кодам сообщества через обсуждение с соисследователями смысла различных перформансов сообщества. Тем самым производится новое знание об исследуемой реальности и одновременно продвигается соответствующая со-

циальная практика. Метод совместного исследования перформанса предусматривает анализ так называемого демонстративного (presentational) знания, определяемого как образное выражение опытного познания через чувственно (эмоционально) воспринимаемые разнообразные перформансы – музыку, танцы, театральные представления, художественную прозу. Освоение исследователями демонстративного познавательного пространства требует использования соответствующих методов – которые были бы способны работать с нарративом, перформансом, визуальным, символическим материалом. Такие методы должны стать законными методами качественного исследования в гуманитарных и общественных науках, расширяющими академическое знание представлением о многомерности человека – как физического, эмоционального, духовного, социального и культурного существа, – его нелинейности и многозначности [6, с. 76].

Американский философ и политолог Ф. Фукуяма вызвал в свой адрес единодушную критику академического экспертного сообщества за то, что сформулировал тезис о «конце истории», имея в виду, что социально-политическая история человечества достигла своей вершины, открыв горизонт либеральной демократии. Однако разве современное глобальное информационное / гражданское общество не доказывает правоту Ф. Фукуямы, демонстрируя неполитическую, именно общественную реализацию горизонта либеральной демократии в глобальном укладе беспрецедентной информационной / коммуникационной демократии – в де-факто доминировании социального самоуправления, обеспечиваемого цифровой (виртуальной) коммуникационной средой, над официальным управлением обществом со стороны государства? Современное общество – действительно «конец истории» в том смысле, что социальную самоорганизацию, вызванную к жизни цифровыми технологиями коммуникации, уже невозможно загнать в прежние, контролируемые государством рамки, но сам институт государства вынужден сегодня встраиваться в систему общественной самоорганизации, искать в этой неофициальной системе либеральной демократии свою новую нишу. Невозможен возврат к прежнему социально-политическому укладу еще и по той фундаментальной причине, что человеческая / социальная реальность – по своей природе реальность самоорганизующаяся, самоуправляющаяся, и коль скоро эта человеческая / социальная природа получила возможность своей институционализации, непредставим обратный исторический процесс. Кстати, и марксизм видел «конец

истории» в полностью самоорганизованном / самоуправляемом обществе – обществе без государства, – в котором, по К. Марксу, будет преодолено отчуждение человека от своей природы. И если не сосредотачиваться в философии марксизма на политической его части – «социалистическом» переходе к обществу без государства, – то К. Маркс предрек «конец истории» вполне в духе Ф. Фукуямы и оказался, подобно Ф. Фукуяме, «Дельфийским оракулом» в отношении общества XXI в., делающего государству мощный неполитический либерально-демократический вызов социального самоуправления.

Дельфийская исследовательская технология – такой же «конец истории» в сфере методологического самоопределения гуманитарных и общественных наук. Человеческое / социальное развитие и развитие наук о человеке и обществе – единая история. Подобно тому, как, в терминологии К. Маркса, «человек отчужденный» (в обществе слабой самоорганизации) прошел долгий исторический путь к «человеку неотчужденному» (в обществе с сильной тенденцией самоорганизации), гуманитарное и социальное познание проделало путь от мифологического инструментария Дельфийского оракула к дельфийской методологии, которая, наконец, встретила со «своей» человеческой / социальной реальностью, а та обрела «свою» методологию. Дельфийская методология – «конец истории» методологического самоопределения гуманитарных и общественных наук в том смысле, что определен адекватный природе человека и общества исследовательский инструментарий. Но поскольку этот инструментарий имеет рамочный характер, то такой «конец истории» не останавливает дальнейшее развитие, которое будет происходить уже внутри дельфийской методологической рамки в поисках новых, по своей сути дельфийских, методов.

Список литературы

1. Объяснение и понимание в науке: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН; под ред. Е.Д. Клементьева. – М., 1982. – 254 с. – (Сер.: Науковедение за рубежом).
2. Apoiifis N. Fieldwork in a furnace: Anarchists, anti-authoritarians and militant ethnography // Qualitative research. – 2017. – Vol. 17, № 1. – P. 3–19.
3. Daye Ch. How to train your oracle: The Delphi method and its turbulent youth in operations research and the policy sciences // Social studies of science. – 2018. – P. 1–23.

4. Enriching qualitative research by engaging peer interviewers: A case study / Devotta K., Woodhall-Melnik J., Pedersen Ch., Wendaferew A., Dowbor T., Guilcher S., Hamilton-Wright S., Ferentzy P., Hwang S. // *Qualitative research*. – 2016. – P. 1–20.
5. Feyerabend P. Against method: Outline on an anarchistic theory of knowledge. – L., 1975. – 339 p.
6. Godden N. A co-operative inquiry using narrative, performative and visual methods // *Qualitative research*. – 2017. – Vol. 17, N 1. – P. 75–94.
7. Hong X., Falter M., Fecho B. Embracing tension: Using Bakhtinian theory as a means for data analysis // *Qualitative research*. – 2017. – Vol. 17, N 1. – P. 20–36.
8. Innerarity D. Power and knowledge: The politics of the knowledge society // *European journal of social theory*. – 2013. – Vol. 16, N 1. – P. 3–16.
9. Jewitt C., Price S., Sedo A. Conceptualising and researching the body in digital contexts: Towards new methodological conversations across the arts and social sciences // *Qualitative research*. – 2017. – Vol. 17, N 1. – P. 37–53.
10. Kezar A., Maxey D. The Delphi technique: An untapped approach of participatory research // *International journal of social research methodology*. – 2016. – Vol. 19, N 2. – P. 143–160.
11. Mawer M. Observational practice in virtual worlds: Revisiting and expanding the methodological discussion // *International journal of social research methodology*. – 2016. – Vol. 19, N 2. – P. 161–176.
12. Michael M. Notes toward a speculative methodology of everyday life // *Qualitative research*. – 2016. – Vol. 16, N 6. – P. 646–660.
13. Nachane D. Methodology of the social sciences in the age of complexity: Unity, autonomy or integration? // *Journal of interdisciplinary economics*. – 2016. – Vol. 27, N 1. – P. 1–32.
14. Poirier M.M. Polanui and the social sciences // *Bulletin of science, technology & society*. – 2011. – Vol. 31, N 3. – P. 212–224.
15. Roth W.-M. Cultural practices and cognition in debriefing // *Journal of cognitive engineering and decision making*. – 2015. – Vol. 9, N 3. – P. 263–278.
16. The social sciences and the web: From «lurking» to interdisciplinary «big data» research / Bone J., Emele Ch., Abdul A., Coghill G., Pang W. // *Methodological innovations*. – 2016. – Vol. 9. – P. 1–14.